
Референдум в Крыму 16 марта 2014 г. и апгрейд российской идентичности

Аннотация

Автор проанализировал референдум 2014 г. в Крыму во взаимодействии различных идентичностей, влиявших на политический выбор крымчан в контексте идентификации в восточно-европейских странах, России и Украине. В качестве параллельной концептуальной парадигмы рассмотрены теории национализма восточно-европейских государств, в частности Венгрии. В основание аргументации положены также данные социологических исследований различных зарубежных и российских служб. Референдум 2014 г. в Крыму и его восприятие российским обществом показаны как высшая степень проявления российской идентичности как в Крыму, так и на материке.

Ключевые слова: российская идентичность, украинская идентичность, референдум в Крыму, восточно-европейская идентичность, апгрейд.

Автор

Капицын Владимир Михайлович

Доктор политических наук,
профессор кафедры сравнительной
политологии факультета политологии
МГУ имени М. В. Ломоносова
(Москва, Россия)

Крымский референдум 2014 г. стал достоянием истории России, но многие отзвуки данного выдающегося события снова и снова будут переживаться как поворотный пункт в развитии постсоветской России. Для крымчан и остальных россиян референдум останется почти по-Маяковскому — «ярчайшим из дней». Причем, как показали события и замеры общественного мнения, воссоединение с Крымом способствовало сплочению российского общества и обновлению (апгрейду) российской идентичности.

Цель данной статьи — показать особенность крымской идентичности как ресурса и составной части объединяющей национальной (русской) иден-

тичности. Последняя поднялась до высшей на тот момент точки проявленности за всю постсоветскую историю. Гипотеза статьи — крымский референдум и его результаты в пользу России стали возможны, благодаря тому, что все постсоветские годы большинство крымчан сохраняло потенциал российской идентичности, способной вести к особому настрою, который обусловил сверхмощную мобилизацию на проведение референдума и победу на нем пророссийских сил. Без этого не помогли бы ни российские войска, ни обострение политических противоречий, ни опасности, воспроизводимые Майданом и новым киевским режимом. Более того, крымский

Референдум в Крыму 16 марта 2014 г.
и апгрейд российской идентичности

референдум 2014 г. сделал возможным своеобразный апгрейд — революцию в идентификационном процессе России.

Об особенностях крымской идентичности писали разные авторы. Опросы Центра Разумкова показали сохранение в Крыму советской идентичности, включающей настроения антиамериканизма, противостояния НАТО. Опросы выявили враждебность крымчан к национализму Галичины, который в Крыму отождествляли с национал-социализмом. Запад воспринимался в Крыму как инициатор «оранжевых» революций [15, 290–299].

Для характеристики идентичности Крыма 2014 г. мы приняли термин «младо-российская» идентичность. «Младо-» в сложных словах обозначает название течений — философских, религиозных, культурных, возрождающих национальное сознание. Оно означает обновление какого-то существовавшего ранее явления. В философии известно младогегельянство, в религии — младо-штундизм. Известны также культурные и политические настроения (течения, движения), обретавшие атрибуцию «младо-»: младотурки (революция 1908 г.), младолатыши (культурное движение против германизации 1850–1880 гг.), младосербы (конец XIX в.), младохорваты (начало XX в.), младонагоричане (в Македонии), младоказахи (1990-е гг.) и т. д. В истории отмечено и младо-украинское движение «національно свідомых» в Галиции (1890-е гг.), отделяющих себя от Австрии или России (позже от СССР) [6, 13]. Аналогичная атрибуция «младо-» может быть характерна для ряда других народов, решающих задачу культурного и политического самоопределения, национальной консолидации.

Динамика постсоветского пространства в 1991–2016 гг. выявила несколько тенденций в идентификационных процессах, касающихся России, Восточной Европы, Украины. Это реанимировало атрибуцию «младо-», усилило интерес к региональной идентификации и процессам на Украине.

Рассмотрим следующие переменные. На идентификацию крымчан оказывала долговременное влияние российская общенациональная (материковая) идентификация. С другой стороны, воздействовала украинская национально-государственная идентификация. С третьей, усиливалось влияние Турции на крымских татар; привнесение идей радикального ислама в крымское общество усиливало опасения подрыва как российской, так и украинской идентичности. В-четвертых, все эти процессы коррелировались с такой переменной как противоборство (конкуренция) региональных идентификаций, привязанных, с одной стороны, к евразийскому, с другой, к европейскому интеграционным процессам. Влияние ЕС и европейской идентичности усиливалось, в том числе благодаря особой активности политических элит Польши, Германии, Швеции и стран Балтии.

Исследования украинской социологической группы «Рейтинг» еще до событий на Майдане 2014 г. четко показывали конкуренцию внешнего европейского и евразийского влияний. Также Киевский международный институт социологии (КМИС) в своем исследовании показал в сентябре 2013 г., что, если бы тогда был проведен референдум, то 41 % респондентов проголосовал за вступление Украины в ЕС, а 35 % — за вступление в Таможенный союз. В южных регионах страны было другое соотношение (26 % и 46 %, соответственно)[3].

Последняя переменная для одних восточноевропейских государств характеризовала скорее дополнительный контекст, а для Украины, Грузии, Молдавии, наиболее включенных в процесс Восточного партнерства, — среду непосредственной вовлеченности в идентификационные процессы, противопоставляемые друг другу. Парадоксально, но это противоборство интеграций и идентификаций было использовано в Украине для подъема и легитимации радикального национализма Галичины с его моноэтнической и подчеркнуто антироссийской ориентацией.

Тема номера: «Политические выборы в России и за рубежом»

Произошла странная синергия радикальных националистических настроений и стремлений к европейской интеграции, в тот момент подпитывавших друг друга. Национализм радикализировался под воздействием пропаганды интеграции с ЕС, чему активно способствовало руководство Польши, Швеции, Германии, стран Балтии — инициаторов Восточного партнерства. Все это подрывало общенациональную (государственную) идентичность Украины. Приход к власти в Киеве представителей радикальных националистических сил в феврале 2014 г. стимулировал национальный раскол, усилил ирредентизм в Крыму и на Донбассе.

Истоки противодействия идентичностей на Украине проявлялись еще в конце XIX — начале XX в. [1], но более свежие следы оставили события 1990–1992 гг., а затем 2004 г. Правда, тогда интеграционные предпочтения формирующихся постсоветских государств не могли проявляться отчетливо в силу неопределенной их политической субъектности.

Но уже в начале 1990-х перед украинскими элитами маячил выбор между постсоветской интеграцией с Россией (и другими союзными республиками) и ориентацией на Европу и НАТО. Государство Украина сталкивалось с идентификационным кризисом, проявившимся не только в исходе части русскоязычного населения, но и волнах ирредентизма в Крыму, особенно в Севастополе. Сохранялось остаточное влияние советской идентичности, обретающей характер российской. Тогда на всем постсоветском пространстве возникали этно-территориальные образования с атрибутами сепаратизма и ирредентизма (Южная Осетия, Абхазия, Аджария, Нагорный Карабах, Приднестровье, Гагаузия, Северный и Восточный Казахстан). Судьба Крыма и Севастополя тогда до конца еще не определилась.

Эти противоречия в Украине усилились благодаря политике Восточного партнерства ЕС. Теоретическое объяснение идентификации элит, а также разных слоев на-

селения в Украине можно найти, обращаясь к описанию разных видов национализма (этнонациональной идентификации). Интересны в этом срезе положения конструктивизма и критической геополитики о самоидентификации народов на лимитрофных территориях Восточной Европы. Нередко национализм народов Восточной Европы описывается как незавершенный, недостаточно полный, в основном культурный. Это объяснялось неразвитостью или даже отсутствием ряда институтов нации-государства. Для формирования воображаемого сообщества, приобретающего политические (государственные) устои, необходимы институты-прототипы. Во-первых, нация-государство опирается на институты, поддерживающие идентификацию горизонтального характера. Это — институты общества, закрепляющие и воспроизводящие достаточный набор территориальных, этно-антропологических, духовно-культурных (исторических) и агентных (экономических) идентичностей, которые с помощью индивидуального и коллективного участия вовлекаются в строительство национального государства и узнаваемо окрашивают общенациональную идентичность. Во-вторых, в значительной степени влияет история успешного национального государства (или империи); она закрепляет эти горизонтальные восприятия в «контейнере» общенациональной идентичности.

Многое из набора таких институтов закрепляет общенациональную идентификацию в государствах Западной Европы и служит образцом для государств Восточной Европы. Однако, последние не имели стабильной истории государства. Венгерские социологи отметили, что национализм в Восточной Европе в отсутствие такого полного набора идентичностей и при неуспешной истории государства основывался на романтической фольклорной и литературной традиции (прежде всего, поэтической). Например, Ш. Пётефи (в Венгрии), А. Мицкевич (в Польше), Х. Ботев и И. Вазов (в Болгарии), Т. Шевченко

Референдум в Крыму 16 марта 2014 г.
и апгрейд российской идентичности

(на Украине) — эти имена поэтов служат символами возрождения восточноевропейских национализмов. Такая традиция соединялась с ориентацией на правильную идентичность «успешных» европейских наций [14. — С. 325–329].

Состоявшиеся национальные государства Франции, Испании, Италии, Британии, Германии в своей ориентации на Европу достаточно долгое время и довольно полно сохраняли контейнеры своих общенациональных идентичностей (до реализации геополитического проекта ЕС в 1992 г.). А национализмы восточно-европейских государств являлись более неопределенными и множественными (контингентными), подвержены добровольной, но неподтвержденной народом мимикрии элит под правильную идентичность государств Западной Европы. Одновременно проявлялся настрой на отвержение остатков имперской традиции (Австро-Венгрии, России, СССР). Милан Кундера назвал это состояние «Восточно-Центрально-Европейским комплексом» [13. — С. 170]. Такой комплекс — социально-психологическое состояние, обусловленное отсутствием устойчивых и долговременных географических и исторических ориентиров (состояние лимитрофной идентификации). Для восточноевропейских государств наличие восточности или отсутствие ее было конституирующим началом идентификации, полагания некоей чистоты, как у Западной Европы. «...Отсутствие восточности является определяющей чертой европейских идентичностей» [7. — С. 267]. И. Нойманн отмечает, что ключевую роль сыграл противоречивый образ «не совсем Европа», одновременно включенной в европейскую цивилизацию и не вполне соответствующую стандартам последней [7. — С. 99–156].

В то же время, в 1990-е, а затем в 2000-е годы, в России усиливались представления о великом (имперском) влиянии, далеком от идентификации с европейским национальным государством, что отражалось и в Крыму. Именно в ситуации выбора идентификации (конфликта идентификаций)

между интеграцией с «правильной Европой» и интеграцией с Россией (Таможенным союзом, ЕАЭС), оживляющей некоторые свои имперские и советские традиции, оказалась Украина в 1991–2013 гг. Свершение государственного переворота февраля 2014 г. вдохновлялось символом Т. Шевченко и националистическими знаменами Бандеры и Шухевича, «Правого сектора» и «Свободы». Одновременно часть украинской элиты ориентировалась на «правильную» идентичность Европы, а часть — на близость с Россией.

Особенность идентификации жителей Крыма в том, что она была менее привержена формированию воображаемых восточноевропейских сообществ, основываемых на описанном выше национализме. Большинство крымчан могло бы сохранять многовекторную идентификацию в условиях стабильной украинской государственности, но последняя было разрушена Майданом и государственным переворотом 2014 г. Эта часть крымчан не собиралась формировать свою восточноевропейскую идентичность с ориентацией на «правильную» Западную Европу, как это делали Польша, Венгрия, Чехия или Румыния. Но к такому конструированию, особенно после Майдана, стремились усиливавшиеся проевропейские кланы киевской элиты и часть населения, особенно западных регионов Украины. У крымчан усилилась пророссийская идентичность; они надеялись найти себя в ареале общенациональной (федеративной) идентичности России.

Если глубокий идентификационный кризис происходит в одном из исторически близких государств, где проживает разделенный народ, то это, как правило, усиливает там, с одной стороны, ирредентизм и способствует укреплению общенациональной идентичности соседнего государства. Наиболее отчетливо это проявилось в Украине и России. В процессе самоопределения Крыма в 2014 г. вырос авторитет российского лидера В. В. Путина, усилились настроения в поддержку

Тема номера: «Политические выборы в России и за рубежом»

воссоединения Крыма с Россией и защиту населения Донбасса, что одновременно расширило коллективное чувство гордости за Россию среди самих россиян. Глубокий экономический и политический кризис, незаконный переворот, раскол национальной идентичности в Украине способствовал быстрому усилению российской идентичности в Крыму. Это изменение мы характеризовали как младо-российскую региональную идентичность.

Рассмотрим подробнее, как формировалась такая идентичность. Выше говорилось, что национальная и региональная идентификация крымчан складывалась в контексте отношений Украина — Россия, Украина — ЕС, Россия — ЕС. Постсоветский Крым не удивить референдумами как общеукраинскими, так и местными, официальными и неофициальными. Для характеристики динамики идентификации и борьбы идентичностей Крым представляет собой своеобразный полигон. На всех референдумах крымчане демонстрировали настроения относительно России, значительно отличающиеся от остальных регионов.

Крым был первым еще советским регионом, в котором проводился референдум. В январе 1991 г. проходил референдум Крымской области УССР, когда 81 % граждан пришли на участки, чтобы проголосовать по вопросу предоставления ей статуса Автономной ССР. Тогда 93 % проголосовали за такой статус [11. — С. 34].

17 марта 1991 г. на всесоюзном референдуме о будущем СССР почти 88 % крымчан хотели сохранить СССР «как обновленную федерацию равноправных суверенных республик», что было на 17 % больше, чем в среднем по Украине (11, 34). Затем был первый всеукраинский референдум в декабре 1991 г., где участие жителей в голосовании составило лишь 67,5 % — по Крыму и 63,7 % — по Севастополю (при средней по Украине — 84,1 %; самая высокая явка в Ивано-Франковской области — 95,73 %, Тернопольской области — 97,10 %; Львовской области — 95,24 %) [2]. «За» независимость Украины высказались 54 %

населения Крыма (при 42 % — «против») и 57 % жителей Севастополя (при 39 % — «против»). В среднем по Украине — 90,32 % от пришедших на участки проголосовали за независимость Украины. Против украинского суверенитета выразили свое мнение лишь 10–13 % голосовавших в Одесской, Харьковской, Донецкой и Луганской областях; в областях Галиции не более 1 % [2]. Второй всеукраинский референдум проводился в апреле 2000 г. по инициативе президента Л. Д. Кучмы, чтобы снизить влияние Верховной Рады на принятие политических решений.

До 2014 г. существовала составная идентификация крымчан, поддерживающих «частичные» идентичности: русскую (российскую), украинскую, крымско-татарскую. Они до 2014 г. они все уживались вместе, хотя и не без проблем, в составной общенациональной (государственной) идентичности нейтральной Украины, включающей в себя также другие частичные (региональные) идентичности (Галичины, Закарпатья, Буковины, Киева, Донбасса, Одессы, Николаева и др.). При этом в 2010 г. только 12 % жителей юга Украины идентифицировали себя через национальную принадлежность; около 14 % жителей юга Украины идентифицировали себя как советские люди [7].

В опросах населения Украины ключевыми для характеристики идентичностей регионов, элит и масс стали вопросы об отношении украинцев к России, вступлению Украины в НАТО, ассоциации Украины с ЕС. Для опросов по Крыму социологи также зондировали вопрос об отношении к возможной автономии в составе России.

Ответы на эти вопросы показывали сложное переплетение взглядов и ожиданий элит и жителей разных регионов. На политическом уровне отношения Украина — Россия развивались особенно сложно, неравномерно, но все же в вопросе об отказе от сотрудничества с Россией в течение многих лет с 1991 г. элиты Украины не приходили к единству. Тем более, на выборах Президента в 1994 г. Л. М. Крав-

Референдум в Крыму 16 марта 2014 г.
и апгрейд российской идентичности

чук потерпел в Крыму сокрушительное поражение от «красного директора» Л. Д. Кучмы, обещавшего в случае победы добиваться провозглашения русского языка вторым государственным языком и обеспечения российского гражданства, сосуществующего с украинским. В первом туре Л. М. Кравчук получил в Крыму 7,5 %, в Севастополе — 5,6 % (по всей Украине в первом туре Л. М. Кравчук получил 38,3 %, а Кучма — 31,1 %) [11, 34].

При Л. Кучме осуществлялся многовекторный геополитический курс. Трудно шло подписание Договора 1997 г. о дружбе, сотрудничестве и партнерстве, тем не менее, Россия тогда фактически признала Крым как часть Украины. Затем был опасный антироссийский «крен» В. А. Ющенко, произведшего в герои Украины Р. Шухевича и С. Бандеру [1]. Это начал исправлять В. Ф. Янукович (с 2010 г.). Но партии, активно ведущие антироссийскую риторику и при В. Ф. Януковиче, обретали парламентский статус и контролировали примерно половину комитетов в Верховной Раде, в том числе и те, которые серьезно влияли на формирование национальной идентичности [4. — С. 145–167]. Силы, выступающие за ассоциацию с ЕС, стали преобладать.

В толще повседневной жизни идентификационные процессы шли спокойнее, чем на партийном и парламентском уровнях. Но последовательная работа по отчуждению сознания украинцев от совместной с Россией истории велась антироссийскими партиями и НПО по многим направлениям. В том числе на уровне школьных программ и СМИ. Также униатская церковь, а также Украинская православная церковь Киевского патриархата занимали антироссийскую позицию и вели соответствующую работу среди своих прихожан. Особенно, начиная с Майдана 2004 г., усиливалась националистическая идентификация, противопоставляющая Украину России (галичанско-западенский проект). Это вело к росту влияния идей, господствующих на Галичине, а также институциональному подкреплению

антироссийских настроений, как показывает анализ позиций церквей, СМИ, школьных учебников истории, состава комитетов Верховной Рады [3. — С. 145–167].

Тем не менее, если смотреть на результаты социологических опросов в Украине, то до 2014 г. нельзя сказать о резком изменении отношения граждан Украины к России. Об этом свидетельствуют ответы респондентов на Украине в целом и в Крыму, в частности, на вопросы об отношении к России, а также о вступлении Украины в НАТО, ассоциации Украины с ЕС. Хотя отчетливо проявлялся рост ориентаций жителей Украины на ассоциацию с ЕС (до половины и более населения Украины).

Сложнее дело обстояло с вопросом об отношении к НАТО. Исследование в Крыму центра SOCIUM (сентябрь 2008 г.) показало, что 89 % крымских респондентов отрицательно отнеслись к вступлению Украины в НАТО; 7,5 % — положительно. Опрос проводился 11–23 сентября 2008 г. (N=1478; 67 % респондентов ответили, что хотели бы стать гражданами России, 29 % — Украины, 1,5 % — Турции. На вопрос о необходимости предоставления двойного гражданства (второго — российского) жителям Украины 78 % ответили положительно, 19 % — отрицательно) [8]. В 2011 г. ориентация на вступление в НАТО по всей Украине находила только около 25 % сторонников, «против» выступало 60 %. На востоке и юге Украины против вступления в НАТО выступало 75 % опрошенных и только 12 % «за» [4]. Еще более явно и массивно антинатовская ориентация проявлялась в Крыму, что подтверждают операция «АнтиНАТО» в Феодосии в июне 2006 г., пикеты против входа на рейд Севастополя кораблей НАТО, всекрымский народный референдум 16 декабря 2006 г. Голосование на этом референдуме проходило официально в палатках, на остановках, на рынках. Приняло участие более 897 тыс. (58,21 % от числа избирателей), 98 % из принявших участие высказались против вступления Украины в НАТО [6]. О формировании про-

Тема номера: «Политические выборы в России и за рубежом»

российской идентичности можно судить и по динамике общественного мнения, проявленной в войне рейтингов [12].

Политический кризис в Украине конца 2013–2014 гг. в значительной степени был порожден мощной мобилизацией антироссийского потенциала идентичности Галичины, которая с 2004 г. стала все более серьезно влиять на идеи политической оппозиции в Киеве. Жители Крыма, юга и востока страны, наоборот, видели серьезную опасность в приходе на их землю идейных последователей Р. Шухевича, С. Бандеры и боевиков под знаменами «Правого сектора». Такая опасность была подтверждена Корсунским погромом в ночь с 20 на 21 февраля 2014 г. Его устроили вооруженные активисты «Правого сектора» против крымчан, поддержавших В. Ф. Януковича и возвращавшихся на автобусах из Киева (с Антимайдана). Автобусы были сожжены, а несколько сотен людей подвергнуты издевательствам и унижению, избиениям, в том числе с нанесением тяжелого вреда здоровью. Никаких уголовных дел по этим фактам в Украине заведено не было.

Ранее крымчане осудили волну преступлений против законных властей в западных регионах, насилие против «Беркута» (в Крым привозили убитых и раненных земляков-милиционеров), солдат внутренних войск в Киеве и по всей Украине. Но именно «Корсунь» стал непосредственным детонатором «крымской весны». По этим событиям немецкие документалисты (Группа информации по преступлениям против личности — IGCP) сняли фильм «Корсунский погром».

С другой стороны, в своем отчаянном протесте крымчане надеялись, что в случае насилия против них на помощь им придут российские части с военной базы в Севастополе. Позже после победного референдума и в результате воссоединения с Россией пророссийская идентичность в Крыму еще более усилилась.

Население Крыма, обретшее в своем большинстве российское гражданство,

переживало настроения, которые можно обозначить не только как национальный, но и как гражданский патриотизм. Младороссийская идентичность в Крыму проявляется как подъем настроений, направленных на изменение положения нации (этноса). Крымчане более трех веков имели российскую идентичность в составе империи, СССР, но после 1991 г. жили в новом государстве Украина. Атрибуция «младороссийская» связана с возвращением, воссоединением с «большой» Родиной, исторической справедливостью, новым прочтением истории и судьбы, сопротивлением антироссийской и пронаатовской власти Украины.

В этом плане интересны и события, характеризующие широкий контекст. В частности, Brexit и реакция на него жителей регионов Британии (Шотландии, Северной Ирландии, Уэльса), а также Испании, Бельгии, Франции и других сложносоставных в этническом плане государств ЕС, показывают, что и широкий европейский контекст (идентичности правильной Европы) может существенно измениться. Другими словами, правильная европейская идентичность размывается; растут настроения сепаратизма и центробежные тенденции в ЕС, что косвенно будет благоприятствовать фактической ситуации с Крымом. А приезд в Крым парламентариев Франции, Кипра, Германии, региональных представительных органов Италии не только отражает недовольство населения ЕС антироссийскими санкциями и контрсанкциями России, но и поддерживает российский выбор крымчан и поддержку их Россией.

Важен и второй аспект атрибуции «младороссийская» идентичность, а именно апгрейд смыслов российской идентичности — способствовать собиранию земель, защищать русский мир. А именно, по крайней мере, в 2014–2016 гг. гражданская российская идентификация крымчан опережала ту, что проявлялась в материковой России относительно участия в общественной жизни, борьбы за справедливость. Дух референдума 2014 г.

Референдум в Крыму 16 марта 2014 г. и апгрейд российской идентичности

может проявляться в акциях протеста против незаконной приватизации земель и недвижимости, других злоупотреблений властей, плохого состояния дорог, учреждений образования и здравоохранения, нерешенности проблем водоснабжения и т. д. Крымское общество не успокоилось, и оно способно на локальном уровне проводить акции протеста против инертности властей, ошибок и злоупотреблений чиновников.

И российская власть на всех уровнях должна относиться более внимательно к потребностям новых сограждан. Ибо от

этого зависит судьба трансформации младо-российской идентичности как важного (наиболее лояльного и проявленного) сегмента общероссийской национальной идентичности. Трагедии Корсуня, подъем крымской общественности, приведший к референдуму марта 2014 г., а также жертвы Одессы, Мариуполя, Донецка, Луганска находят отзвук в идентификации людей, активизируют повседневную борьбу за справедливость. Как долго будет поддерживаться состояние младо-российской идентичности, зависит не только от крымского сообщества, но и от всей России.

Литература

1. *Бабенко В. Н.* Украина — Россия 1991–2010. Через противостояние к сотрудничеству? М.: ИНИОН, 2010.
2. Ведомость о результатах Всеукраинского референдума, 1 декабря 1991) URL: http://www.archives.gov.ua/Sections/15r-V_Ref/index.php?11 (дата обращения 5.04.2017).
3. За вступление Украины в Евросоюз выступает 41 % граждан, за Таможенный союз — 35 %. URL: http://zn.ua/POLITICS/-35-130295_.html (дата обращения 13.12.2015).
4. *Капицын В. М.* Политизация этнических идентичностей в «гибридной войне» // «Гибридные войны» в хаотизирующемся мире XXI века / Под ред. П. А. Цыганкова. — М.: МГУ, 2015.
5. Корреспондент. net. Сайт украинского еженедельного общественно-политического журнала. 24 мая 2011. — URL: <http://correspondent.net/Ukraine/evets/1220620> (дата обращения 19.09.2015).
6. *Марчуков А.* Украинское национальное движение. УССР. 1920–1930-е годы. — М.: Центрполиграф, 2015.
7. *Нойман И.* Использование «Другого». Образы Востока в формировании европейских идентичностей. — М.: Новое издательство, 2004.
8. Операция АНТИНАТО. Феодосийская модель. — М.: Европа, 2006.
9. Опрос: 76 % украинцев считает себя патриотами. URL <http://korrespondent.net/ukraine/events/1139167> (дата обращения 3.07.2016).
10. Опрос: Крымчане против вступления в НАТО и за базирование Черноморского флота в Севастополе. Интерфакс. Украина // Корреспондент. net 30 сентября 2008. — URL: <http://correspondent.net/Ukraine/politics/600886> (дата обращения 18.09.2015).
11. *Токарев А. А.* Электоральная история постсоветского Крыма: от УССР до России // Вестник МГИМО-Университета. — 2015. — № 3.
12. *Филиппов А. В.* Крым выбрал Россию и не пожалел об этом. Общественное мнение в Крыму изменчиво, но сейчас выбор крымчан в пользу России // Lenta.ru. 13.02.2015. URL: <http://lenta.ru/articles/2015/02/13/crimea> (дата обращения 13.02.2015).
13. *Anikó Imre.* Identity Games. Globalization and Transformation of Media Cultures in the new Europe. L: MIT-Press, 2009.
14. *Csepeli György.* Competing Patterns of National Identity in Postcommunist Hungary // Media, Culture and Society. — 1991. — № 13.
15. *Kuzio T.* Nationalism, Identity and Civil Society in Ukraine: Understanding the Orange Revolution' // Communist and Post-Communist Studies. — 2010. — Vol. 43. — № 3.